

Кто такая Ольга Фокина, не нужно объяснять. Великая – так назвала Ольгу Александровну в печати прозаик Вера Галактионова. О ней же на одном из писательских съездов прозвучало: живой классик. Автор более тридцати книг стихов и поэм. Недавно вышел и юбилейный сборник стихов Ольги Фокиной «В нашу честь». 2 сентября Ольге Александровне исполнилось 80 лет. Она ровесница Архангельской области и ее гордость.

Начало биографии Ольги Фокиной во многом типично для людей ее поколения. Она родилась 2 сентября 1937 года в Архангельской области в деревне Артемьевская (теперь Тимошинское) Верхнетоемского района. Мать будущей поэтессы, окончившая только четыре класса церковно-приходской школы, знала наизусть много стихотворений русских классических поэтов, которые рассказывала детям по вечерам. Сельские праздники и исполнение старинных песен сама Ольга Александровна называет своей поэтической школой. Теперь Ольга Александровна живет в Вологде, являясь почетной гражданкой этого города. Наше интервью с известной поэтессой.

– Ольга Александровна, как обычно проходят ваши дни?

– Просыпаюсь рано. Включаю радио, чтобы послушать новости, сопоставить, что, где и как, кто кого ругает, сориентироваться в мировом пространстве. Потом готовлю завтрак. Если звонок поступает по «мобиле» от дочки, внучки – бегу к ним. Занимаемся общим делом... Когда приезжаю в родную деревню в конце мая-начале июня, нужно скопать грядки, посадить, поухаживать. Потом сенокос – надо участки выкосить, сено высушить, сметать... На каждый день дело находится. Особенно радостно, когда начинается поспевать морковка, грибочки.

А стихи – по пути на рыбалку, в лес или в процессе чего-то приходят строчки. Запомню – приду и запишу, не запомню – ладно... Жалко бывает хорошие строчки. Но я себя не заставляю писать, работать за столом каждый день.

– Погода для вас имеет значение: всякая – благодать, как поется в песне, или все же есть предпочтение?

– Конечно, солнышко люблю. И при любой другой погоде находится дело. Можно по дому чем-то заниматься, быть своей оснащать. Это, кстати, и мой тоже девиз: всякая погода – благодать.

– А из времен года есть любимое?

– Все люблю. С зимой расстаюсь с грустью, потому что на лыжах ходим, бывает, и на коньках еще катаемся. Пешком ходим по реке, утробованной лыжниками и снегоходами: километра три в одну сторону и три обратно.

Весной соловьи у нас свищут. Осень – грустная пора, но самая богатая. Осенью с четырнадцати лет уезжала из дому, это для меня всегда грустно.

– Первое ваше стихотворение опубликовано 2 августа 1952 года. Можно считать эту дату началом вашей творческой деятельности?

– Да, да. Я обычно эту дату пропускала, но потом вспомнила.

– Помните его?

– Жил-был у бабушки
серенький козлик.
Бабушка козлика очень любила.
Бабушка козлику пожно
скормила.
Бабушка, ты бы того,
осторожней,
Все-таки, знаешь, колхозная
пожня...

и так далее. Я за социалистическую собственность боролась. У меня мама тоже была такая – ценившая общественное добро: не укради, не задень ничего. В колхозе овощеводка Федосья была, она у меня фигурирует в поэме «Малина твоя». Подросточки любили ночами огурцов поворовать. Если у Акиндина оказывался огурец, то ему ой-ой как доставалось от мамы. Мы были воспитаны в духе охраны общественной собственности. Это ценилось больше, чем личное.

– В 1952-м вы окончили семилетку и пошли учиться на фельдшера. Осознанно или это была случайность, поскольку потом пошли совсем по другой стезе – литературной?

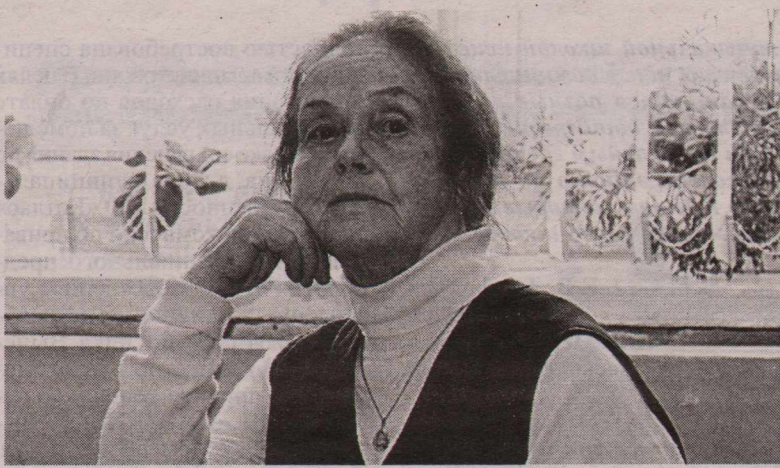
– Это была необходимость. Мне-то хотелось учиться где-нибудь поближе к литературе. Книжки очень любила, и склонность была к стихосложению. Сходила в колхозную контору, нашла там подшивку «Правды Севера» и часа два листала, знакомилась с объявлениями. В одном было сказано, что для поступления в педучилище нужно вести с собой постельные принадлежности, общежитие не давало, а в медучилище этого не требовали. Только по этой причине я подала заявление туда. Мы тогда жили: у нас ни единой простынки не было, ни подушки приличной (из ваты или еще из чего-нибудь набитые). Единственную пуховую мама, когда Кенька женился – старший сын, ему в приданое дала. Окутывались полушубками старыми. Не с чем было ехать в Архангельск. Мама – колхозница, на трудовни никакую денежку не давали. Мне ведь пионерский галстук и значок не на что было купить, их подарила школа. Увы и ах...

– Что дала вам учеба в Литературном институте?

– Уверенность в том, что литература – это очень важно, наравне с медициной и другими профессиями. Для меня, когда училась и работала медиком, встал вопрос: что важнее – здоровье духовное или физическое. И пришла к мысли: физическое здоровье без духовного мало что значит. Вообще я в душе, конечно, медик. Мне хотелось и хочу все воскресить-вылечить – сделать правильным и прекрасным. Лирика, поэзия должна врачевать души.

Я ведь и в Литинституте медиком работала. На втором курсе, когда построили новое семи-

«Я верю в свою звезду»

этажное общежитие на Добролюбова, 9/11, и нас переселили с писательских дач в Переделкине (там жили зиму), ко мне пришли директор института и комендант общежития с поклоном, чтобы организовала и возглавила медпункт. Два этажа были отданы уже членам Союза писателей, которые повышали свою квалификацию. Среди них были Сергей Викулов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, которые ходили ко мне на прием. Астафьев смеялся: «Судьба русской литературы в руках Ольги Фокиной». У нас рядом была поликлиника, поэтому я не боялась.

Мне выделили отдельную комнату для жизни и комнату для медпункта. Я съездила в аптеку рядом с ГУМом, заказала оборудование, кушетку, стол и т.п. Стала там заказывать медикаменты. Мне давали денежки на это. Назначили полставки как лаборанту – 270 рублей, плюс стипендия 220, а потом стала получать повышенную стипендию. Оклемалась в московской атмосфере. Помогать мне было некому, сама себя обеспечивала. Была занята в медпункте по утрам и вечерам. С одной стороны, хорошо, а с другой – была ограничена в возможности общаться по вечерам, ходить на культурные мероприятия. Но меня знали, уважали литераторы. Я не разочаровалась, все сделала правильно и благодарна тому советскому периоду, когда была заинтересованность в талантливых выходцах из глубинки, делали все, чтобы их вытянуть, помочь. Нам есть что вспомнить.

– В истории литературы немало примеров, когда произведения урезали или вообще не печатали. Вас это миновало, всегда была «зеленая улица»?

– Мне повезло, что выходец из Вологды Сергей Васильевич Викулов стал главным редактором журнала «Наш современник». Он держал руку на пульсе вологодской литературы. Смеялись: вологжане могут сказать, что это «Наш современник». Он нас привечал. Присылал письмо: «Оля, какие новые стихи – присылайте, ждем». Никогда отказа не было. Кстати, он отстаивал меня. Поэма «Останься со мною» у него печаталась. У цензуры были претен-

зии. Поэма большая, уже поставлена в номер, заменить нечем. И Викулову самому пришлось кое-что подработать.

Был еще такой случай. Всесоюзное бюро пропаганды советской литературы на месяц пригласило меня гастролировать в Москву по заводам и фабрикам. Начали с выступления в зале Чайковского вместе с Павлом Антокольским, Беллой Ахмадулиной, Николай Анциферов, по-моему, был, еще кто-то... Меня на бис вызывали. Но в бюро пропаганды сказали: не читать стихотворение, в котором были строки: «Тесно тут народушка, в Москве-то, в колхозе некому косить...»

Потом выступала в Колонном зале Дома Союзов, прочитала то стихотворение, раз хорошо принимали. И мне опять: не читать! Потому что у нас должно быть все хорошо...

А когда я уже приехала жить в Вологду, Викулов – тогда ответственный секретарь нашего Союза писателей – решил собрать писателей-вологжан, которые разъехались по городам и весям, на литературный форум. Секретарь обкома партии Дрыгин, высокого роста, солидный, только что вступивший в должность, благоволил писателям. В присутствии его собрались. Столы буквой «п» стояли. Мы с Колей Рубцовым в конце сели. По очереди начали стихи читать... Викулов выходит из президиума, идет ко мне и на ухо шепчет: «Прочитай-те то стихотворение, которое вам запрещали в Москве». Я ничего не собиралась читать, а раз просит Викулов – встала да прочла. Молчание. Потом поднимается Дрыгин и начинает: «У нас все хорошо, колхозы работают...» Говорю ему: «Я писала на материале Архангельской области, я архангельская, а здесь недавно. Ваших проблем еще не знаю. Это к вам не относится, можете со спокойной душой жить и работать». После этого к нему подходили Коничев, Юрий Арбат, еще кто-то, что-то толковали. С тех пор не было никаких претензий, ни запретов. Писатели убедили его, что Фокина все правильно видит, понимает и пишет. Мне была обеспечена отдельная квартира. До этого жила в комнате двухэтажно-

го флигелечка во дворе общежития совпарт-школы, где молодым специалистам давали жилье на время.

– Вспомним Валентину Толкунову, которой уже нет. Насколько знаю, она была у вас в гостях. Каким образом произошла встреча с певицей?

– Композитор Вячеслав Петров заведовал подмосковным пансионатом, выискал мои стихи и написал несколько песен. А Толкунова в том пансионате отдыхала. Он показал ей свои песни, и она стала петь, в частности, «Отгорела косынка, отцвела, отлиняла...»

Потом я ездила в Австралию. Через какое-то время туда же поехала Валентина Толкунова. Запела песню, сказала, что слова Ольги Фокиной.

Потом Толкунова приехала на гастроли в Вологду. А мои приятельницы – певуны из литературно-музыкального коллектива, с которым ездили по Вологодчине выступать, – послали ей записку: «Валентина Васильевна, здесь присутствует Ольга Фокина». И она меня сразу вызвала на сцену. Послали еще записку: «Мы приглашаем вас в гости к Ольге Фокиной». Толкунова пришла со своим помощником, который все торопил: «Валентина Васильевна, не успеет, у нас концерт». А она сидит, не уходит. Оглядела мою обстановку в квартире и говорит: «Если бы вы жили в Москве, мы с вами дружили бы домами. Теперь же все помешались на всяких обстановках, а у вас все так просто. Как мне у вас хорошо». Сидит и крошку хлеба ест.

– Ваши жизненные принципы: какие были, какие сейчас? Или всегда оставались те же?

– Прежде, да. В новом тысячелетии себя чувствую не в своей тарелке. Не привыкла жить по законам капитала – лучше жить по чести, по совести. В общем-то, я в состоянии обороны и в жизни, и в творчестве. Не в нападении. Но я стою на своем. Следую боковой фразе: «Лес стоит – никому не нужен. Храм стоит – никому не нужен. Я стою – никому не нужен. Что ж нам делать? Стоять на своем!»

– В этом году у вас юбилей. Готовитесь встретить его новыми стихами?

– Я и не прекращала их писать ни в 90-е годы, ни в «нулевые». Просто изменилась жизнь, изменились сами люди – отношение к поэзии уже не такое, каким оно было 50 лет назад. Но есть и те, для кого стихи по-прежнему необходимы. В том числе и для гармонии в душе. В 2013 году в свет вышел очередной мой поэтический сборник «Маятник». Есть у меня и новые стихотворения.

Владимир ТЮПИН.